

Затем наступил день казни. Один из бывших членов стаи Адама сделал для них очень легкие колесные сани из алюминиевых трубок и холста, в которых Мими могла быть надежно привязана и перенесена волками. План был прост. Мужчины превратятся в волков и потянут сани в путь.

Чарльз прикрепит сани к спинам Адама и Сэмюэля, потому что Адам был большим синечерным волком, и сани ничуть не замедлят его движения. Сэмюэль был белым волком, но большим и сильным. Сани были бесшумными, ехали быстро, и Мими в них была в безопасности.

А когда они выйдут из пещеры, Чарльз и вампиры быстро уложат Мими в машину и помогут мужчинам подняться на борт. По дороге мужчины переоденутся. Они встретились бы у дома Брана, а затем присмотрелись бы к Мими. Бран шел через пещеру впереди. Он был самым маленьким волком и следил за любой опасностью. Волки Брана также будут наблюдать за фабрикой в лесу.

Чарльз и Бран предварительно изучили маршрут и знали, чего ожидать. Чарльз выяснил смены охранников и время перерывов, так что они знали, когда на этаже Мими никого не будет, ни охранников. Они даже смазали петли служебного люка, чтобы не было слышно, когда они пройдут через него.

Проходя по коридорам и готовясь к спасению, никто не заметил, что в потолке пещеры через определенные промежутки времени установлены миниатюрные датчики движения, а с одной стороны пещеры стена на самом деле была фальшстеной, и за ней находилась комната. Тем не менее, стена была защищена по последнему слову техники, поэтому ни Бран, ни Чарльз ничего о ней не знали.

Доктор Моррисси и Кендрик были очень взволнованы. Скоро они получат все необходимое для своего проекта: ДНК оборотней и оборотней для изучения, и проект будет завершен, и тогда начнется новая эра. Доктор Кендрик тоже был очень взволнован. Когда проект доктора Моррисси окажется на нужной стадии, он сможет изучить ярость оборотней-самцов и, что самое интересное, ярость Маррока. Он слышал легенды о том, как Маррок в своем безумии убивал деревни, разрывая людей на части голыми руками, и именно эту черту он хотел бы видеть в их проекте. Ведь вскоре мир увидит, какими чудовищами на самом деле являются оборотни.

Чуть меньше половины пути была большая пещера, где они могли передохнуть по пути и убедиться, что Мими спит. Бран и Чарльз позаботились об этом заранее. Важно было, чтобы Мими оставалась спокойной, потому что, как сказал им охранник, нельзя было сказать, насколько Мими в здравом уме. Насколько она поддается воздействию лекарств и насколько опасна или непредсказуема.

Поэтому контролировать Мими было еще одной задачей. Мими могла бы очень бурно отреагировать на то, что незнакомые мужчины везут ее в санях, запряженных волками, в пещеру, а Мими их совсем не знает. Сэмюэль также припас небольшую сумку, которую Чарльз взял с собой. В сумке было несколько сильнодействующих анестезирующих препаратов, иглы и шприцы на случай, если Мими очнется или попытается бороться.

Как только они благополучно доставят Мими в дом Брана и Мими увидит вампиров, можно будет приступить к разгрузке лекарств и посмотреть, что с Мими сделали.

Предварительный анализ показал, что лекарства, которые применялись к Мими в прошлом,

были весьма экспериментальными и представляли собой комбинацию почти сильнодействующих психотропных препаратов и транквилизаторов для животных. Это был совершенно новый препарат, который действительно воздействовал на человеческую психику, делая ее восприимчивой к промыванию мозгов. Сэмюэль также отправлял образцы препаратов другим коллегам, чтобы предупредить их о том, что замышляют плохие люди.

Прибыв на место, Чарльз превратится в человека, и они с Мерси отправятся за Мими. Перед тем как войти в дом, они с Мерси запрягут Адама и Сэмюэля. Они разгрузят сани и подготовят их к работе, как только привезут Мими. Сани понесутся на спине Адама, прежде чем они смогут добраться до Мими. Адам был самым мускулистым волком, и, хотя сани были сделаны как можно легче, это приносило свои неудобства. Например, если бы Брану пришлось бежать с санями на спине, он бы попал в беду или стал бы медленнее, но Адам был намного больше и сильнее, поэтому ему было легко.

С того момента, как меня похитили и привезли сюда, я пытался сбежать. Я сопротивлялся и нападал на всех, кого мог. По какой-то причине я чувствовал, как во мне закипает ярость каждый раз, когда я пытался действовать, но я начал учиться использовать ее как преимущество, а не как помеху. Вместо того чтобы просто вслепую нападать на кого-то, я начал планировать, стараться быть непредсказуемым и всегда быть начеку.

Всякий раз, когда я слышал приближающиеся шаги, я чувствовал, как моя раскаленная добела ярость поднимается на поверхность, а кулаки сжимаются. Я ощущал ее по всему телу, мысленно представляя, как сжигаю наркотики, боль от этих обследований, раны, швы, которые были в моем теле.

Я всегда искал оружие, вилку, капельницу или что-нибудь, что можно было бы использовать для замаха, удара или побега. Шланг от капельницы был хорошим инструментом для удушения, но из-за моего маленького роста я едва мог обхватить им чью-то шею. Медсестра или охранник мучились, если я даже обматывал его вокруг их руки и затягивал. Я находился в режиме выживания, и у меня был инстинкт самосохранения. Я пытался убежать, выжить, скрыться. Я не нападала с целью насилия. Я пыталась убежать, защитить себя.

Иногда я даже выходил из комнаты, даже к предполагаемой входной двери. У охранников были заряжены ружья с транквилизаторами, и штука была сильная. Но всегда требовалось время, чтобы оно подействовало, и если я был в ярости, оно всегда давало мне еще несколько мгновений. У других охранников были электрошокеры, но они не всегда сдерживали меня, если я выходил из себя.

Обычно, когда они всаживали в меня два или три дротика, они плотно закрывали двери и ждали, пока вещество сделает свое дело, и я был безвреден, когда это всегда происходило. Потом я просыпался в постели, связанный. Возможно, со мной снова что-то сделали. Где-то был новый ряд швов, новый синяк, рана, что угодно.

Мне было невыносимо быть привязанным к кровати, и, как только я проснулся, я немного пришел в себя, собрался с духом и вырвал или, скорее, разорвал канюлю с себя; мне было все равно, куда она была вставлена, ее не было. Я выдернул ее зубами еще до того, как освободился от кандалов или ограничителей. Затем, как только я освободился, я уничтожил мешки для капельниц.

Я разорвал их на части. Я перерезал и завязал узлом все трубки и попытался разбить окна, но вскоре меня перевели в комнату без окон. Двери были крепкими, но я научился слушать, когда кто-то входит в комнату, и быть готовым к действию. Я даже пытался проверить, есть ли доступ

к вентиляционным каналам. Лекарства приводили меня в довольно яростное настроение, и я не был осторожен, поэтому некоторые синяки и травмы я наносил себе сам, когда чуть ли не карабкался по стенам и падал, когда у меня кружилась голова. Кроме того, я снова сильно похудел. В какой-то момент мне в голову пришла одна мысль.

Мне всегда было холодно и голодно, и я не всегда мог оставаться в сознании; я мог потерять сознание на полу. Я никогда не получал никакой еды. Наверное, они вводили что-то в мои вены, но когда я вырвал все сразу и уничтожил, растоптав пакеты, я, вероятно, не получил всего, что они собирались влить в меня. А потом я снова проснулась привязанной к кровати. И по-новому.

Я стал абсолютным зверем в побеге и мог довольно быстро повернуть и скрутить руки и запястья в нужную сторону, чтобы снять их. А когда я похудел, мои запястья и руки стали действительно узкими, а не такими маленькими цепочками, которые не всегда где-то немного болтались. У меня брали образцы тканей, несколько раз вскрывали и осматривали внутренние органы.

Я ждал, что внутри меня что-то разорвется и я умру. Я был почти уверен, что в результате буйства во мне что-то сломается и я умру от внутреннего кровотечения. Я был почти уверен, что на внутренние органы тоже наложены швы. Знакомый доктор заходил раз или два, чтобы полюбоваться мной и потребовать различные снимки и образцы. А потом этот чертов психиатр с носовым голосом показался мне чертовски знакомым.

Другой, пухлый, называл меня Омегой. Ну, наверное, у них есть кодовые имена, но я не собирался представляться, когда пытался сбежать. Не знаю, как долго я пробыл в заведении, но, к счастью, мой боевой дух не ослабевал. Я не помнила вампиров. Я не скучала по ним.

Я просто была в своем маленьком пузыре, готовая бежать, нападать и убивать. Я не знаю, сколько людей я убил или покалечил, и, честно говоря, мне было все равно. Я даже не задумывался о том, что ударил женщину-медсестру по шее подставкой для капельниц, так что кровь брызнула дугой, и она упала. Мне было все равно, умрет она или нет. Важно, что она не стояла у меня на пути. Даже если она пришла не для того, чтобы что-то мне сделать, она все равно была врагом, целью, которую нужно уничтожить. И этот чертов психиатр, похоже, был доволен. Я несколько раз пытался на него наброситься, но он не впечатлился.

Я лишь изредка слышал, как медсестры или экзаменаторы рассказывали о тех, кто не выжил, и даже пару раз видел, как по коридору проносили носилки с окровавленной простыней на них. На некоторых носилках виднелась бледная рука, но не все они были окровавлены.

Я только что слышал, как этот толстяк сказал, что у него есть шесть испытуемых из восьми, и он собирается испробовать сыворотку и на них. Эти туши несли или толкали почти каждый раз, когда я пытался сбежать. Я отказывался смириться с тем, что это моя судьба. Даже зная, что это может быть так, я не собирался ложиться и позволять им убивать меня, калечить заживо. Если бы я не выжил, я бы не ушел без боя.

Однажды я подслушал разговор двух исследователей о том, что им удалось разглядеть какие-то мишени. Не знаю, о каких мишенях шла речь, но этот пухлый сказал другому, психиатру, что проект с мишенями будет продолжаться до тех пор, пока мишени будут пойманы, у них есть исследовательская камера для контроля над мишенями, и проект будет мобильным, я не знал, что это значит, но мне было все равно.

"Не могу дождаться, когда мы получим их в руки. Я наконец-то получаю доноров, а на создание

сыворотки нужно время, так что у нас есть время собрать капитал для реализации и завершения проекта". Толстяк хихикнул, обращаясь к психиатру.

Психиатр сказал: "О, когда же я смогу испытать эти средства. У меня есть несколько новых продуктов, готовых к тестированию, и, как вы видите, омеги у меня бушуют и растут. Теперь дело за твоей сывороткой, чтобы сделать его постоянным".

Чабби сказал: "Моя сыворотка работает, по крайней мере с омегой, а потом я посмотрю на остальные шесть целей, чтобы понять, можно ли заставить сыворотку работать только на шесть, а не на восемь".

Послышались шаги. Это охранник подошел к врачам и сказал.

" Я слышал, что в подземных туннелях было движение, а на днях сработали скрытые датчики движения, так что начальство хочет усилить наблюдение".

Врачи, похоже, что-то пробормотали. Я лежал на операционном столе, почти не приходя в сознание, поэтому мне не пришлось слушать дальше, так как доктор хотел взять еще одну биопсию моей печени или, точнее, еще одной доли. Моя печень, по его словам, всегда отрастает, и это было для них великим чудом.

Пухлый сказал: "О, эта моя сыворотка уже хорошо действует на Омегу. Сейчас я омолодил ее тело, заставил заживать чертовски быстро, и она уже не человек, а нечто иное, но когда проект будет завершен, тогда и раскроется весь потенциал Омеги".

Интересно, каков его гребанный потенциал? Это была практически последняя мысль, которую я успел подумать, когда толстяк воткнул в мою канюлю какой-то шприц и вколол в вены наркотик так, что тьма поглотила меня целиком.

Как-то вечером или ночью, когда в палате выключили весь свет, мне ввели очередной мышечный релаксант, и анестетик безжалостно капал в мои вены, если я смогу немного вытянуть руки, заставить их двигаться, то, возможно, смогу дотянуться до капельницы и закупорить ее, чтобы лекарство не действовало.

Теперь к капельнице добавили миорелаксант, что позволило создать более эффективный лечебный коктейль. По какой-то причине лекарства действовали на меня не так уж долго. У меня невероятно быстро развилась толерантность к ним, но я и сам этого не знал. Исследователям просто приходилось использовать все новые и новые препараты, чтобы заставить меня уснуть или хотя бы как следует успокоиться. Мышечные релаксанты были теми, к которым у меня не развилась такая хорошая толерантность, как к анестетикам. Пару раз мне вводили спинальный наркоз, но когда он не срабатывал в ходе тестов и испытаний, что-то мешало их работе, они не могли этого сделать.

Я лежал в постели и пытался работать, пытаюсь заставить себя двигаться. Но это было медленно, а лекарство безжалостно капало в мои вены. Мои глаза были почти закрыты, а руки больше не могли двигаться. Сознание стало отключаться, как бы я ни боролся. Я слышал только приближающиеся шаги, но не узнавал их. Обычно я знал, кто идет, только по шагам, но сейчас я понятия не имел, кто эти двое.